

рассматривались разные жизненные ситуации: несколько бедных крестьян хотят силой отобрать у богатого соседа участок земли (судебное постановление XV), убитая горем жена солдата Стефана (XVI), не сошедшиеся характерами супруги (XII) и т. д. Особенно много постановлений бракоразводного характера или касающихся поведения супругов. Здесь и женщина, на руках которой куча детей, а муж изменяет (XXIX), и взрослый «младенец»-муж, жена которого намного старше (их обручили в детстве): она недовольна тем, что он не может ее содержать и выполнять супружеские обязанности, а поэтому изменяет ему. Постановление Апокавка по этому делу отличается справедливостью и гуманностью: оно дает развод и тем самым выражает протест против укоренившегося обычая заключения браков в детском возрасте. Разведенной жене было разрешено выйти замуж, но только не за любовника, «чтобы никому не повадно было, полюбив замужнюю женщину, развратничать с ней и при этом надеяться взять ее в жены» (XX).

Гуманностью и сочувствием отличаются и многие другие постановления Апокавка. За непреднамеренное убийство он назначает только церковное покаяние и строгую эпитимию, защищает от произвола хозяина провинившихся батраков, так как понимает, что на преступление человека часто обрекает либо собственная бедность, либо жестокость власть имущих.

В творчестве Апокавка, как и в литературе Никейской империи, заметен интерес к античности. Так, даже в официальное постановление по бракоразводному делу автор вставляет два стиха из «Облаков» Аристофана (48 и 1070) и один стих из Гомера, чтобы доказать «что женщина сердцем изменчива» (Одиссея. XV. 20). В его письмах уделяется много внимания природе. Иногда это описание прогулок за городом Навпактом (письмо XXXIII) или восхищение прелестями весны и пением соловьев и цикад (XI), а то и просто советы друзьям почаще бывать на природе, лечиться музыкой и медом (XIX). В письмах также много юмора, живых подробностей и чувства (например, автор сообщает друзьям о невзгодах своей жизни (VIII, XXII) или шутит с адресатом, пославшим ему пшеничного хлеба, но забывшим присоединить к этому дару мясо и вино (IV)).

Два других представителя культуры Эпирского царства — Георгий Вардан и Димитрий Хоматиан — стоят несколько в стороне от литературного процесса. От Георгия Вардана, который родился в Афинах, жил в Никее, а затем, переселившись в Эпир, стал митрополитом Керкиры⁵², {136} дошло лишь несколько ямбических стихотворений, полемические произведения против латинян и письма к духовным лицам⁵³.

Его современник Димитрий Хоматиан, архиепископ Охрида (1216—1234), оставил значительное число сочинений (судебные и соборные постановления, канонические послания и письма к духовенству, переписка с представителями гражданской власти)⁵⁴. Правда, для истории более важно их содержание, как материал по внешней и внутренней политике государства и каноническому праву, чем литературные достоинства и особенности.

Литература Эпирского царства выглядит бедной по сравнению с творчеством писателей и историков Никей или Трапезунда. Здесь не было создано ни своей историографии, ни значительных литературных произведений. Да и творчество указанных выше эпирских церковных деятелей охватывает всего три десятилетия существования государства. О дальнейшем периоде нам ничего не известно. В целом вклад Эпира в византийскую культуру XIII в. сводится в первую очередь к сохранению архитектурных достижений предшествующей эпохи и их воплощению в жизнь в памятниках церковной архитектуры, а также к развитию прогрессивных течений в зодчестве и изобразительном искусстве. {137}

5

⁵² Τομαδάκης N. B. Op. cit. Σ. 45—52.

⁵³ Kurtz E. Georgios Bardanes, metropolit von Kerkyra // BZ. 1906. Bd. 15. S. 606—613; 1907. Bd. 16. S. 134—140; Loenertz R.-J. Lettre de Georges Bardanès, metropolit de Corcyre, au patriarche oecuménique Germain II // EEBΣ. 1964. T. 33. P. 87—118.

⁵⁴ Pitra J. B. Analecta sacra et classica Specilegio Solesmensi parata. V. VI. Romae, 1891.